

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

DOI: 10.7256/1999-2793.2013.8.9412

СОЦИАЛЬНЫЙ ХАОС В ТОЛКОВАНИИ Ж. БОДРИЙЯРА

Аннотация. В статье дается нетривиальная трактовка социального хаоса. Автор, опираясь на концепцию Ж. Бодрийяра, показывает, что сломы истории, различные катастрофы, экстремальные события не следует рассматривать как сбой в планомерном, поступательном и разумном развитии общественных процессов. Хаос не является отступлением от выверенного исторического маршрута. Он не существует как изнанка рационалистического толкования общественных процессов. Ж. Бодрийяр показывает, что общественные катаклизмы, чрезвычайные события можно считать закономерными, поскольку они сходны между собой и соответствуют самой социальной системе. Одновременно отмечается непоследовательность мысли французского философа, который полагает, что вызревание социальных бедствий позволяет освободиться в определенной мере от иррациональных напластований. Таким образом, критический пафос его оригинальной концепции, по мнению автора статьи, оказывается непоследовательным. У французского философа получается, что хаос порождает хаос, но он же освобождает исторический процесс от разного рода мистических обнаружений. Здесь, судя по всему, нужны дополнительные аргументы или более убедительные иллюстрации.

Ключевые слова: философия, хаос, история, катаклизмы, общество, рационализм, иррациональность, случайность, закономерное зло, виртуальность.

Социальные философы обычно рассматривают экономические кризисы, терроризм, распространение СПИДа и воскрешение синдрома революционаризма в исторической практике как феномены, которые принадлежат иррациональному миру. Они описывают эти общественные явления в ракурсе очевидного отклонения от магистрального осмысленного и научно продуманного хода событий. «Фактор случайности, — пишет, к примеру, Т.В. Керимова, — «задает» хаотическое состояние среды. Каждому из образующих ее процессов присущ самостоятельный вектор движения, зачастую противоположный по отношению к другому направлению. Нарушаются согласованность и взаимозависимость между этими процессами, рвутся существующие между ними связи. При этом фактору случайности принадлежит приоритет перед необходимостью, из чего и проистекает разбалансированность, неравновесность или хаотичность состояния условий, в которых развертывается человеческое бытие»¹.

По мнению данного автора, чрезвычайные происшествия, критические ситуации, экстремальные события порой не укладываются в рамки повседневности. Каждое из них представляет собой сбой, зигзаг в обычном рутинном течении жизни, нарушение ее ритма.

Ж. Бодрийяр отказывается от такой трактовки чрезвычайных социальных событий как случайностей. Он полагает, что логика нашей социальной системы как раз и выражается в этом экстриме. Да, разного рода катастрофы являются сенсационным феноменом. Но в то же время они раскрывают сущность современного общества. Действует, по словам Ж. Бодрийяра, своеобразный протокол вирулентности и излучения². Есть неоспоримая закономерность в том, что вирус хаоса снайперски поражает социум. Предположим, в какой-то стране произошел террористический акт. Пока это единичное событие. Но теперь активность каждого политика сопрягается с этим сюжетом. Все рассматривается под углом зрения данной террористической гипотезы.

¹ Керимова Т.В. Человек риска. Социально-философские проблемы. М., 2009. С. 59.

² Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2006. С. 98.

Представим себе, что в социуме обнаружено распространение СПИДа. Статистически цифры пока невелики. Но неожиданно или, напротив, закономерно, рождается тенденция переоценить весь спектр заболеваний через предположение об иммунодефиците. Достаточно незначительного вируса, который извратит запоминающие устройства компьютерной сети Пентагона, как мгновенно на этот сигнал отреагирует весь мир. Более того, пусть военное ведомство США работает без искажений. Но даже поток новогодних поздравлений, который захлестнет каналы связи, нарушит стабильность информационных систем.

Экстремальные события, катастрофы толкуются в основном как нарушение нормального развития социума. Однако эти случайности закономерны. Они реализуются в соответствии со скрытым движением общественных актов. Они являются следствием тайного порядка. Ж. Бодрийяр указывает на схожесть этих процессов между собой. Более того, они корреспондируют с самой социальной системой в целом. Французский философ называет этот процесс порядком внутри беспорядка. Все экстремальные события связаны между собой. Но они также сходны с самой системой, их породившей.

Что же следует из этих соображений? Можно ли сегодня полагать, что развитие общества происходит по рациональным лекалам? Разумно ли считать, что этот рациональный каркас обрастает порою наслоениями, которые надлежит снять, чтобы снова восторжествовало рацию? Возможно ли вообще устранить чрезвычайные феномены события в ходе осмысленного и прагматичного развития социального развития? На последний вопрос можно ответить без колебаний: утопично даже думать о том, что можно устранить чрезвычайные общественные явления.

Добавим к этой мысли французского философа: внесистемные (чрезвычайные) акты станут со временем более частыми и еще более экстремальными. И это произойдет потому, что повышается уровень фальсификации самой социальной системы. Здесь надлежит определиться концептуально. Ж. Бодрийяр все же считает, что ухудшение ситуации приведет в конце концов к осознанию данной закономерности современного общественного развития и позволит приступить к оздоровлению социума. Но возможно ли такое спасение общества от экстремальных поворотов? Если возможно, значит, экспертиза Ж. Бодрийяра

неверна: выходит, что избавиться от наростов на древе рациональности все-таки можно. Весь вопрос только в том, чтобы дожидаться предельно кризисного состояния общества, чтобы перейти к социальной терапии.

Противоречивость мысли Ж. Бодрийяра, на наш взгляд, заключается в том, что он ищет возможное участие социального эксперта в улучшении социума в рамках рационалистической мысли. Но ведь само понимание системности общественных оползней не является гарантией возрожденной рационалистической мысли. М. Вебер считал рациональность судьбой европейской культуры. Но не пора ли внести коррективы в эту проблему? Нет ли возможности разглядеть магму иррациональности без неотложных попыток немедленно внести в нее разумные коррективы?

Чтобы удержаться в рамках социальной критики, Ж. Бодрийяр переводит ракурс размышлений в сферу этики. Он затрагивает проблему социального зла. Осмысление категорий позитивной онтологии реализована в философских трудах Г.В.Ф. Гегеля, И. Канта, Б. Спинозы. Фундамент целостного подхода к проблемам бытия заложены Ф.В. Й. Шеллингом. В постклассической философии эту традицию продолжили Х.-Г. Гадамер, Ж.-Л. Нанси, П. Рикёр, М. Хайдеггер. Вместе с тем в философии можно обнаружить различные конфигурации негативной онтологии. В сочинениях Ж. Батая, М. Бланшо, Ж. Бодрийяра, Ж. Делёза и М. Фуко потенциал позитивности близок к исчерпанию и нередко уступает место негативной дискурсивности.

«Можно сказать, что шествие трагики «банального зла» — сквернейшее знамение «нашего времени», — отмечает Н.В. Мотрошилова, — т.е. второй половины XX и начала нашего века. Степени и формы его различаются от страны к стране, однако наличие и распространение его — несомненный общецивилизационный факт, свидетельствующий (согласно моей теории) о кризисности, надломах современной цивилизации, повсеместно порождающих мощные выбросы варварства»³.

Ж. Бодрийяр пересматривает традиционное сопоставление Добра и Зла применительно к современной исторической эпохе. Он отмечает, что в прозрачных системах, «гомеостатичных» или «гомеофлюидных», то есть «стабильных» или

³ Мотрошилова Н.В. Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт. Бытие-время-любовь. М., 2013. С. 242.

«непрочных», нет больше стратегии Добра против Зла. Она заменена полностью дискурсом Зла, внутри которого возможно противостояние Зла Злу наихудшему. Гомеопатическая вирулентность, по словам Ж. Бодрийяра, расплзается, занимая всё большую территорию. Здесь мысль французского философа становится более радикальной. Экономические кризисы, социальное бунтарство и нигилизм, информационные вирусы, — все это видимая часть айсберга. Но 90% катастрофы покуда скрыто, неявлено.

Подлинная катастрофа, считает Бодрийяр, наступит тогда, когда информационные сети станут вездесущными, информационные потоки окажутся прозрачными. Сегодня пока этого не произошло, надлежит считать информационный вирус благом. Он не позволяет коммуникационной стратегии быть всеисильной, всепроникающей, порождает сбой в информационных потоках. Однако движение к пределу информации и коммуникации все же неотвратимо, оно равносильно смерти. Пока мы можем говорить о сигналах тревоги, предупреждающих убийственную призрачность. Бодрийяр пишет: «Это несколько напоминает ускоренное движение жидкости: оно вызывает всевозможные завихрения и аномалии, которые останавливают течение или рассредоточивают его. Хаос служит границей тому, что без него просто затерялось бы в абсолютной пустоте»⁴.

Выходит, экстремальные события можно, разумеется, считать злом. Финансовые кризисы или бунташные эпопеи не приносят радости. Но эти чрезвычайные феномены, хотя и демонстрируют тайный беспорядок, в то же время выступают как некое противоядие против неукоснительного диктата порядка и прозрачности. Одно зло вступает в борьбу со злом более зловещим. В результате катастрофа по крайней мере отодвигается. Эту закономерность французский философ иллюстрирует примером, связанным с сексуальной свободой. Она захватывала все новые и новые территории, экспансирована себя до тех пор, пока не дошла до собственного предела. Процесс наслаждения оказался исчерпанным. Возникло явление, которое названо асексуальностью. Но что было бы, если бы сексуальная революция продолжала бы свое победное шествие? Секс, судя по всему, вообще исчез бы в своем бесполом неистовстве.

Спекуляция, разумеется, тоже зло. Но зло наименьшее, поскольку выполняя функцию вихревого потока, тормозит общее расширение реального товарообмена. «Провоцируя мгновенную циркуляцию стоимостей, убивая током экономическую модель, спекуляция в то же время помогает обойти катастрофу, каковой была бы свободная коммутация всех обменов, ибо это тотальное освобождение и есть настоящее катастрофическое движение стоимостей»⁵.

В традиционном обществе происходили реальные события. В современном социуме господствуют недостоверные, маловероятные события. История невозможна без социальных потрясений. Социальные катаклизмы, катастрофы, революции, нищета, вынужденное рабство — все это, как и многое другое, неизбежные события истории. Не является поэтому новостью и эсхатологическое ощущение истории. Известны и апокалипсические пророчества, сопутствующие трагическим ее страницам. История знает вулканические извержения и подземные толчки. Она, по определению, безжалостна. В ее запасниках бывает и все вместе — землетрясение, цунами и ядерный реактор, как это случилось с многострадальным японским народом.

Террористические акции поражают нас своим безумием. Но, увы, это политическая реальность. Любое человеконенавистническое суждение можно облечь в рационалистические одежды. Обнаружения разума плохо просматриваются в безудержных стремлениях к мировому господству, переделу природных богатств, экологической катастрофе, силовому политическому диктату, унификации культурного ландшафта. Но попробуйте найти рассуждения на эти темы у классиков мировой социологии.

Однако в современном обществе нетрудно приковать внимание к событию, которого на самом деле не было. Это феномен Бодрийяр называет виртуальным артефактом. Сегодня наилучшая стратегия — стратегия рассчитанной дестабилизации и обмана. Родилась целая индустрия конструирования событий, которые производят впечатление подлинных, действительных, в то время как они являются простой выдумкой. Чрезмерности гипотез, по словам Ж. Бодрийяра, нет предела. Это дает основание считать всю социальную систему террористической. В чем, к примеру, истинная цель террора?

⁴ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2006. С. 100.

⁵ Там же. С. 101.

Разумеется, не только в том, чтобы проявить насилие, принести горе. Главная цель террора породить страх неуверенности и утрашения.

Но ведь и сама социальная система занимается тем же самым. Хаос, таким образом, становится тотальным.

Список литературы:

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2006.
2. Гуревич П.С. Психология чрезвычайных ситуаций. М., 2007.
3. Керимова Т.В. Человек риска. Социально-философские проблемы. М., 2009.
4. Мотрошилова Н.В. Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт. Бытие-время-любовь. М., 2013.

References (transliteration):

1. Bodriyyar Zh. Prozrachnost' zla. M., 2006.
2. Gurevich P.S. Psihologiya chrezvychaynyh situaciy. M., 2007.
3. Kerimova T.V. Chelovek riska. Social'no-filosofskie problemy. M., 2009.
4. Motroshilova N.V. Martin Haydegger i Hanna Arendt. Bytie-vremya-lyubov'. M., 2013.